

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ

Его часто называют человеком эпохи Возрождения. Справедливо, если иметь в виду разнообразие интересов и стремление овалдизировать все, вплоть до истоков вдохновения или импровизации. И еще ему было присуще чувство цеховой солидарности, международного братства людей кино — от Федерико Феллини до студента-оператора.

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ГОНЕНИИ

На проспекте Руставели впереди нас то появляется, то исчезает величественная и смешная фигура. — Кто там такой интересный? — спрашивает гостя. Она впервые в Тбилиси. Опередив меня, ей отвечает другой приезжий: — Не знаю, кто, но похож на гения. Это — о Параджанове. Тот идет по улице, для которой он Сержик, Сережа, Серго, раскланиваясь и заговаривая со знакомыми. О нем говорили, как о чуде и хулигане. А на самом деле Параджанов был прост и сердечен. В обществе приятелей его руки вспархивали, как в танце двенадцати покрывал, сыпались шуточки, комплименты, сувениры. Блеск, шок, шум. Но временами одолевала и одиночество, и усталость... Сын антикваров, он не просто любил вещный мир, для него это был источник волнений и радостей, повод для спектакля. У Софики Чиаурели красивые глаза, но только в фильмах Параджанова они сверкают, как драгоценные кадры. Однажды кто-то захотел сфотографировать для истории коллегу, стоящего с Параджановым у входа на студию "Грузия-фильм". Сережа согласился, но зашел за стеклянную стену, отделяющую их от уставленного цветами холла, и теперь на снимке рядом с улыбающимся человеком видно "призрак" Параджанова,

сквозь который просвечивают томные субтропические растения. Он был так болен, так устал, так недоступна стала для него красота, что после его смерти к бесконечной печали примешалась толка радости: свободен! Свободен от зависти, глупости, анкет, ошибок, угроз, комплексов, слежки государственных "органов". Зека и гений Сергей Параджанов ушел из жизни в Ереване. Диктор телевидения оговорился: "В Берлине". Думаю, он не виноват. Такой уж человек был умерший: всех сбивал с толку. Похоронили его в ереванском пантеоне, хотя он завещал выбрать местом последнего упокоения кладбище в Тбилиси, рядом с родителями, или деревушку на границе Армении и Грузии, где снимал фильм о Саят-Нове. Но куда там! Все, как при жизни — у человека диабет, а благодарные почитатели тащат ему бисквит в полстола. Когда в Ереване создавали галерею, чтобы разместить 800 работ, подаренных Армении Параджановым, он хвастал: "Они мне строят музей. Трехэтажный!". Хотя никогда не говорил, что основал новое украинское кино, новое армянское, новый мир внутри уже полностью освоенного, казалось, кинематографа. Перемена в образе жизни, вызванная перестройкой, по-разному сказалась на творчестве людей. Одни кинулись экранизировать запрещенных прежде авторов, другие пустились во все тяжкие,

"Ашик-Кериб"

С. Параджанов и Ю. Мгоян

третьи стали уныло отражать жизнь в ее неприглядности и скуке. Немногие выдержали испытание свободой. Сергей Параджанов, хулиган и гений, приветствовал новые времена, сняв на киностудии "Грузия-фильм" переложение турецкой сказки русским поэтом. Варварская красота и ошеломительная свобода этого фильма — вот что противопоставил Параджанов ленинской простоте, сталинской мудрости, хрущевской справедливости и брежневскому дружелюбию. Он обошелся без обвинений и разоблачений, без гнева и сведения счетов. "Посмотри мой фильм, — сказал он мне гордо, — я снял настоящий примитив".

КЛАССИКИ

Действительно, можно подумать, что автор "Ашик-Кериба" не знает никаких канонов. Впрочем, так было и с Михаилом Коцюбинским в "Тенях забытых предков", и с Даниэлом Чонкадзе и народным "Плячем о Зурабе" в "Легенде о Сурамской крепости". "Хороший режиссер, — говаривал Параджанов, — должен быть сначала прилежным читателем". Он был заразительно талантлив. Не этого ли боялись чиновники, запрещая его фильмы к прокату, сценарии — к запуску в производство, а ему самому — дышать. Во всяком случае, в процессе извлечения с "полок" кинолент стало ясно, что запрещали они красоту и свободу, боролись с обыкновенными человеческими чувствами, с традициями, которые учили Десять Заповедей. Сознательно ввали, подменяя понятия. И все же, несмотря на неосторожность и прямой эпатаж начальства, свойственные Параджанову, несмотря на сложности и ужасы в его жизни. Ангел-хранитель, похоже, не отступался от гонимого. Сережа сидел в тюрьме (Щербицкий клялся, что пока он жив, режиссеру воли не видеть), а москвичи и гости столицы регулярно заполняли неудобные залы, где месяцами крутили "Тени забытых предков" и "Цвет граната". Сценарии Параджанова, представленные в Госкино СССР киностудией "Грузия-фильм", куда вернулся украинский "уголовник", приходили обратно непрочитанными, а простодушные иностранцы интересовались, что же делает великий мастер. Советское начальство в

"Легенда о Сурамской крепости"

ответ мялось, но французские и итальянские критики догадок не строили, прямо сообщая заинтересованным лицам, что тот снимает шедевр. Он и снимал шедевры. Конечно, Параджанов был не из тех, кто стремится в искусстве к "самовыражению". На этом, как известно, замешан кинематограф вторичный и пустой. Уникальность Па-

"Легенда о Сурамской крепости"

раджанова состоит в том, что однажды он проявил настоящее смирение перед чужой тайной и был вознагражден возможностью перенести эту тайну на экран во всей полноте, не потренировав тонкой, будто на крыльях ночной бабочки, пылицы. Параджанов относился к своему делу как мастер, хотя казалось, не приклады-

вает никаких усилий. "Навертит на актера тряпки, повернет, как манёкен, и снимает", — неодобрительно говорили о нем те, кто считает, что на работе надо "выкладываться". Но Параджанов был не энтузиастом, а профессионалом и очень мало отличался от себя обиденного на площадке. То ли обиденным не был никогда, то ли гомерический талант делал незримыми пот и кровь поэтического труда. Он мог бы выпускать фильмы один за другим — так ткут ковры, делая перемычку только на то, чтобы натянуть новую основу. Суетился, ругал администрацию, внезапно и кардинально менял мизансцены, повергая в отчаяние операторов и не заботясь о том, успевает ли бригада осветителей переставить софиты, бодрил актеров непомерными восторгам, рылся в сундуках костюмеров и реквизиторов, словно мародер, — и был абсолютно спокоен внутренне. В жизни он мог заблудиться. В искусстве (после "Теней забытых предков") — никогда. Недаром он попросил забыть все, что снимал до этого. Те, кто брал у Параджанова интервью (и я в том числе), уверены, что тот не говорил полной правды. Но притворялся он перед нами. А играл — с судьбой, которая устраивала ему крутые выражи от всемирной славы до тюрьмы. Поразительно, что эпигоны из фильмов Параджанова ничего не могут взять. Они уникальны в своей неповторимости. И потому их можно смотреть и смотреть...
Тамара ДУЛАРИДЗЕ